

Демушкина Е. Е. Образование рабочих Сталинграда в 1925–1941 гг. // Вопросы краеведения. Волгоград, 2010. Вып. 12. С. 140–145.

Корноухова Г. Г. Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. : (на материалах Астраханской области) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2007. № 2 (38). С. 38–49 (Сер. История России).

Листопад М. П. Строительство Сталинградского тракторного завода как пример решения социально-технических проблем города и деревни // Аграрная наука – основа успешного развития АПК и сохранения экосистем : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2012. Т. 4. С. 297–300.

Назарова М. П., Олейников П. П. Исчезнувший и возрожденный: архитектура Сталинграда до и после Сталинградской битвы // Социология города. 2013. № 1. С. 20–26.

Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград, 1967.

Олейников П. П. Из истории Сталинградской архитектуры: проекты учреждений здравоохранения и их роль в социокультурном развитии города // Вестн. ВолГМУ. 2014. Вып. 2(50). С. 112–120.

Орешкина Т. Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области: 1943 – начало 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.

Орлов Г. В. Мой край: царицынское долголетие, сталинградская прочность, волгоградская молодость: очерки истории социально-экономического развития области (1589–2009 гг.). Волгоград, 2009.

Статистический справочник Нижней Волги (1929–1933). Сталинград, 1934.

УДК 94(470.6).084.6:304

А. П. Скорик

СОВЕТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ НА ЮГЕ РОССИИ середины 1930-х гг.

В статье раскрывается попытка большевиков по социальному конструированию «советского казачества», призванного выполнять военно-хозяйственные функции. Социальный проект предусматривал фиксирование однозначной поддержки казачеством советской власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: большевики, «ворошиловские кавалеристы», казаки-колхозники, казачья молодежь, стахановцы, торжества.

18 февраля 1936 г. рупор партии большевиков – газета «Правда» – вышла с редакционной статьей «Советские казаки», где утверждалось, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась

с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» [Казачество..., с. 30]. Статья вместе с прошедшим в Москве 13–16 февраля 1936 г. съездом передовиков животноводства, где выступали специально приглашенные представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовала начало кампании (социального проекта) под лозунгом «за советское казачество».

Значение социально-экономических и общественно-политических изменений, произошедших в казачьих регионах Юга России к 1936 г. в результате «колхозного строительства», действительно нельзя недооценивать. Коллективизация сама по себе являлась мощным ударом по казачьей сословности, способствовала прекращению сословной розни. Кроме того, к 1936 г., по сравнению с началом десятилетия, позиции колхозной системы (в том числе и на Юге России) заметно укрепились. Самое же главное – на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. четко установили размеры личных подсобных хозяйств, что препятствовало административному давлению на них. Определенная часть колхозников стала демонстрировать более позитивное отношение к колхозам, и казаки-колхозники в данном случае не являлись исключением. Среди казаков Юга России, особенно среди казачьей молодежи, усилились проколхозные и просоветские настроения. Данное обстоятельство могло в какой-то мере послужить поводом к кампании «за советское казачество».

Но о некой «внезапности» кампании свидетельствует замалчивание потенциала казачества при организации кружков «ворошиловских кавалеристов» (конно-спортивных добровольных организаций, создававшихся на общественных основах в колхозах и совхозах с целью подготовки молодежи для службы в кавалерийских частях РККА). Первые такие кружки на Юге России возникли в декабре 1935 г., но о важной роли в них казачьей молодежи власти единодушно заговорили лишь после начала кампании «за советское казачество»: «Поход молодого колхозного казачества за обучение верховой езде, поход за выращивание хороших колхозных коней, годных не только для обработки колхозной нивы, но и для обороны советских границ, должен быть всемерно поощряем и повсеместно распространен» [Социалистическая реконструкция..., с. 16].

Свидетельством скомканности подготовительных мероприятий к кампании «за советское казачество» стала история с посылкой северо-дон-

ских казаков-колхозников на съезд передовиков животноводства в Москву 13–16 февраля 1936 г. Они отправлялись на съезд передовиков животноводства в пожарном порядке. Позже секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. М. Лукин 28 марта 1936 г. писал первому секретарю крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаеву: «История посылки в Москву делегации казаков от Дона Вам известна, хочу только сообщить – делалось это очень быстро – срок нам был дан не более 12 часов и отправить мы могли из подготовленных 12 чел. лишь 5 колхозников[-]казаков и, кажется, в составе делегации не ошиблись, [это] люди, которые смогли неплохо выступить» [см.: ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58–61]. Но даже несмотря на такую вынужденную оперативность, делегация донских казаков все равно опаздывала на съезд, и поэтому ее привезли в Москву на самолетах, о чем донские казаки-колхозники с удовольствием рассказывали участникам съезда [см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 219, л. 40; Казачество..., с. 55, 62–63].

Подчеркнем любопытный факт. На съезде передовиков животноводства, в отличие от донских и терских казаков-колхозников, практически не отмечаются кубанцы, причем в стенограмме съезда только в отношении «донцов» указывалось их казачье происхождение: «донскими казаками» назывались Ф. М. Скълков (в стенограмме он записан как Скольков), Ф. Т. Токмачев и др. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 219, л. 34, 40, 52]. Едва ли не единственным исключением стало выступление заведующего свиноводческой фермой колхоза «За мир и труд» Павловского района Азово-Черноморского края Ф. И. Рой, сказавшего: «[Я] казак кубанский, но я казак Красной армии и красной гвардии» [Там же, л. 37]. Возможно, игнорирование на съезде казаков-колхозников Кубани представляло собой очередное напоминание кубанцам об их особо активной роли, по мнению властей, в «кулацком саботаже хлебозаготовок» в 1932 г.

Шеболдаев, правда, утверждал в речи 15 марта 1936 г. о начале кампании «за советское казачество» по личному распоряжению Сталина: «Я должен сказать, что все это дело есть инициатива нашего великого Сталина... Всегда и везде именно Великий Сталин первый видит изменения, которые происходят в народных массах, дальше всех вперед видит их путь. Поэтому твердой рукой ведет он нас вперед. Поэтому весь наш народ, трудящиеся всего мира бесстрашно идут за ним. Именно т. Сталин поставил вопрос о том, чтобы вызвать в Москву наших донцов на совещание животноводов, для того чтобы лучших казаков наградить орденами и этим самым показать, как надо относиться к казачеству, чтобы оказать этим внимание всему казачеству» [Молот, 1936, 23 марта].

Безусловно, никакая инициатива не могла получить продолжения без одобрения И. В. Сталина. Он фактически благословил кампанию «за советское казачество», благосклонно выслушав на съезде передовиков животноводства выступления казаков-колхозников и пожав им руку [см.: Казачество..., с. 34]. Вернувшись домой, они убежденно и восторженно рассказывали станичникам о новом отношении к казачеству. Например, терский казак ст. Галюгаевской И. Д. Писковатский говорил: «Правительство очень хорошо относится к казакам. Сам Сталин им [на съезде животноводов] в ладоши хлопал и смеялся» [Северо-Кавказский большевик, 1936, 9 марта].

Очевидно, дав благословение на развертывание кампании «за советское казачество», Сталин руководствовался большевистским принципом «нравственно все, что полезно делу освобождения пролетариата». Казачьи же традиции и черты менталитета, если следовать содержанию редакционной статьи в «Правде», могли оказаться очень полезными в укреплении обороноспособности СССР. Однако Сталин при всем одобрении кампании «за советское казачество» явно сохранял определенную дистанцию при ее осуществлении. Он не спешил публично выступать с какими-либо речами или, более того, программными заявлениями, не спешил во всеуслышание заявлять о своем доброжелательном отношении к казачеству. На наш взгляд, в значительной мере под воздействием партийно-идеологических стереотипов Сталин сохранял известную сдержанность в отношении казаков, пусть и «советских», и в ходе кампании «за советское казачество».

Подчиняясь велениям центра, органы власти Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев стали демонстрировать лихорадочную активность. В первых рядах шел Северо-Донской окружком ВКП(б), который выступал «застрельщиком» в развертывании кампании «за советское казачество».

В письме секретаря окружкома Лукина Шеболдаеву перечислялись проведенные мероприятия: «день годовщины Красной Армии – 23 февраля мы целиком использовали на разворот массовой политической работы среди казачества. Для этой цели я выезжал в Вешенский район и проводил большие районные собрания в Вешках, Казанке, Базках, где в среднем на каждом собрании присутствовало от 700 до 900 человек, причем кроме этого, от 150 до 200 всадников-колхозников, главным образом, ворошиловских кавалеристов. Собрания прошли с исключительным подъемом, выступали в прениях много казаков, среди них были очень интересные выступления, особенно служивших в белой армии, а в после-

дующем перешедших к Буденному, которые не только каялись в своих грехах, но и фактами разоблачали себя и других в период борьбы с Советской властью... Праздник прошел в торжествах, играх, плясках, пениях, включительно до пожилых казаков» [ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58–59].

Кроме того, докладывал Лукин, вешенские казаки направили письмо Сталину, где благодарили за «личную заботу и помощь колхозам Северодонского округа» и обещали храбро биться за советскую родину с любыми врагами [см.: Молот, 1936, 26 февр.]. А еще готовилось письмо от казачества всего округа, в составлении которого «изъявил согласие принять участие» сам М. А. Шолохов. На 5 марта намечалась отправка делегации в количестве 60 казаков-колхозников («персонально отобранных», «среди них 11 чел. казачек») в Москву, на просмотр оперы «Тихий Дон». При этом Лукин просил Шеболдаева: «Было бы хорошо возглавлять поездку одним из работников крайкома ВКП(б) или, в крайнем случае, крайисполкома. По нашим сведениям, в Москве имеют в виду понастоящему встретить наших казаков. Очень прошу Вас помочь предоставить нам вагон 5-го марта с поездом № 75 от Ростова до Москвы, иначе нам просто невозможно всех посадить в поезд, да и “бюджет” не выдержит» [ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 59, 60].

Отправка в Москву казаков-колхозников на прослушивание оперы «Тихий Дон» имела свою предысторию. Еще 15 февраля 1936 г. Северодонской окружком, заслушав соответствующую просьбу М. А. Шолохова (как видим, писатель явно имел отношение к развертыванию кампании «за советское казачество!»), решил «считать возможным послать 1-го марта с. г. 50 чел. – передовиков колхозников-казаков в Москву для просмотра в Большом театре премьеры [оперы] “Тихий Дон”» [ЦДНИРО, ф. 76, оп. 1, д. 59, л. 60 об.]. Через десять дней, 25 февраля 1936 г., окружком решил увеличить число посылаемых в Москву на оперу «Тихий Дон» казаков на 22 человека, из них не менее 11 женщин [см.: Там же, л. 75 об.]. Естественно, об этих планах сразу же поставили в известность вышестоящее руководство. И. В. Сталин и В. М. Молотов в телеграмме, отправленной 1 марта 1936 г. первому секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаеву (копия телеграммы отправлена первому секретарю Северо-Донского окружкома В. М. Лукину в окружной центр, город Миллерово), сообщали: «Не возражаем против приезда 65 человек [из] Северо-Донского округа» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 54, л. 91].

Что касается других мероприятий в рамках кампании «за советское казачество», то бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) 26 февраля 1936 г. в специальном постановлении обязало райкомы ВКП(б) ознако-

мить местное население с передовицей «Правды» и статьей Б. П. Шеболаева, провести беседы о роли казачества в «строительстве социализма» и т. д. При этом местным чиновникам напоминалось о необходимости заботиться о решении вполне практических вопросов: крайком требовал от них не просто заниматься популяризацией основных положений нового подхода к казакам, но «всю массово-разъяснительную работу по этому вопросу связать с задачами подготовки и проведения весеннего сева, с борьбой за удвоение урожайности, за подъем животноводства, с мероприятиями по укреплению обороны страны, развитию организации ворошиловских кавалеристов и пр.» [ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 251, л. 44 об.].

В конце февраля – начале марта 1936 г. Азово-Черноморский крайком приступил к подготовке торжественных мероприятий в ознаменование начала кампании «за советское казачество», которые намечалось провести в Ростове-на-Дону с участием донских, кубанских и терских казаков. Члены крайкома решили составить детальный план таких мероприятий. Его быстро разработали в течение первой пятидневки марта представители Азово-Черноморского краевого руководства К. П. Щириков и К. М. Ерофицкий. Авторы плана, представив его на суд бюро, дополнительно предлагали: «Хорошо было бы участие [в торжествах] воинских частей, по крайней мере, показать казакам танки, авиацию и Новочеркасские кавалерийские курсы комсостава». Однако это предложение не нашло поддержки ни у членов крайкома, ни у командовавшего войсками СКВО Н. Д. Каширина [см.: Там же, д. 255, л. 104], потомственного уральского казака.

В отредактированном бюро Азово-Черноморского крайкома виде «план подготовки и проведения встречи донских, кубанских и терских казаков в гор. Ростове» выглядел следующим образом. В Ростов планировалось прибытие трех сотен казаков – по сотне донцов, кубанцев и терцев. Донские казаки, отобранные для донской сотни, заранее съезжались либо в Миллерово (если они жили в северных районах Дона), либо в Каменск (остальные районы Дона). Кубанцы со всех районов предварительно добирались в станицу Ленинградскую. Тот факт, что кубанские казаки собирались на торжественные мероприятия по случаю чествования «советского казачества» в бывшей станице Уманской, «расказаченной» в 1932 г., выглядит насмешкой. Хотя, возможно, власти стремились придать этому факту назидательный характер, противопоставляя «проклятое контрреволюционное прошлое» и счастливое настоящее казачества Кубани. Терцы вначале приезжали в Пятигорск, а оттуда – в Ростов.

После грандиозных ростовских торжеств донских и кубанских казаков пригласили с ответным визитом в Северо-Кавказский край. Этот визит также соответствующим образом подготовили и отправляющая, и принимающая стороны. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком 23 марта 1936 г. приняли постановление «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани», согласно которому в крае на 6 мая намечалось проведение торжеств, не менее пышных, чем в Ростове-на-Дону. При этом вполне в духе времени Северо-Кавказское краевое руководство не забывало не только о пропагандистской, но и о практической стороне праздника: «Подготовку к этому празднику провести под знаком широкого развития стахановского движения в сельском хозяйстве и промышленности края, широкого развития социалистического соревнования между промышленными предприятиями, совхозами, МТС и колхозами края за лучшее выполнение и перевыполнение производственных программ, учитывая, что на праздник будут приглашены лишь лучшие представители победивших в соревновании предприятий, совхозов, МТС и колхозов». Кроме того, в постановлении содержались и вполне ожидаемые строки: «Особое внимание во всей организации подготовки к празднику должно быть уделено решительному улучшению всего дела коневодства в крае» [Северо-Кавказский большевик, 1936, 24 марта].

Новый грандиозный праздник намечался на 6 мая, но уже на 2 мая 1936 г. планировалось совместное участие донцов и кубанцев в конно-спортивных состязаниях с терцами в «День джигита». Не желая ударить в грязь лицом, бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) 22 марта 1936 г. срочно принимает развернутое решение «Об участии конников Азово-Черноморского края в конно-спортивных состязаниях на Северном Кавказе». Бюро сочло необходимым командировать на Северный Кавказ делегацию только после подготовительной работы и отбора. Кубанским и донским казакам в количестве 83 человек предписывалось к 31 марта явиться «на сборные пункты со своими лошадьми, в полном обмундировании и снаряжении» (в зависимости от места жительства казаки собирались либо в Новочеркасске, либо в станицах Пролетарской и Ленинградской). Согласно разнарядке крайкома Северо-Донской округ к отборочным мероприятиям планово выставлял 25 человек, Багаевский, Дубовской, Константиновский, Мартыновский, Новочеркасский, Раздорский, Романовский, Семикаракорский, Цымлянский, Шахтинский районы – по 1 человеку, Калмыцкий, Ремонтненский, Сальский районы – по 2 человека, Заветинский, Зимовниковский, Целинский районы – по 3 человека,

Орловский и Пролетарский районы – по 4 человека. Кубанским районам предписывалось сформировать отряд кандидатов численностью в 20 человек, и еще 5 всадников ожидалось от Адыгеи [см.: ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 260, л. 42]. На сборных пунктах им предстояло пройти тренировки, в ходе которых для поездки на Северный Кавказ планировалось отобрать лучших из лучших. 18 апреля, после двух недель тренировок, намечалась отправка наиболее достойных кандидатов в количестве 40 человек в Северо-Кавказский край [см.: Там же, л. 34 об., 42].

При изучении материалов сельских райкомов партии 1935–1936 гг. бросается в глаза, что до второй половины февраля 1936 г. даже в казачьих районах наличия казаков как бы не замечают, а потом вдруг оказывается, что они все-таки есть, и их обязательно надо чествовать. Например, внезапно Базковский райком ВКП(б) Азово-Черноморского края, обсудив передовую статью в «Правде» от 18 февраля 1936 г. «Советские казаки» (что весьма характерно для райкомовских архивных материалов), и в отличие от довольно «сухого постановления» бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) [см.: Там же, д. 251, л. 44 об.] с его производственно-хозяйственным подтекстом, выражает явную и неприкрытую радость в своем постановлении от возможности чествовать казаков. Бюро Базковского райкома ВКП(б) 21 февраля 1936 г. постановило «немедленно командировать райактив по парторганизациям и колхозам для проработки статьи о казачестве, проработав ее на партсобраниях, пленумах сельсоветов, бригадных собраниях, доведя до сознания каждого колхозника.

Обязать партчасть РИКа 23/III – с. г. провести торжественный пленум РИКа с широким приглашением колхозников-казаков от каждого колхоза.

В день годовщины Красной армии организовать митинг, демонстрации, в райцентре организовать отряд казаков не менее 50 человек, сделать прогреб до Вешенской, с передачей приветов вешенским казакам-стахановцам» [ЦДНИРО, ф. 28, оп. 1, д. 4, л. 33].

Что же стояло за этими многочисленными мероприятиями, организуемыми партийно-советским руководством Юга России? Очевидно, стремление сформировать новую группу советских прозелитов, причем в казачьих районах, где советскую власть, мягко говоря, недолюбливали со времен Гражданской войны. Большевики апеллировали к традиционному казачьему патриотизму, чтобы стимулировать производственную активность казаков-колхозников. Власти предприняли попытку объявить казаками все население Юга России, дабы стереть все ранее имевшиеся социальные противоречия. Исходя из вышеизложенного, кампания

«за советское казачество» по существу носила характер социального конструирования казачества. Сталинский режим был намерен использовать в своих интересах и в интересах безопасности страны лишь военно-хозяйственный потенциал казачьих сообществ.

Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936.

Молот. 1936. 26 февр., 23 марта.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)); Ф. 558 (Архив И. В. Сталина).

Северо-Кавказский большевик. 1936. 9, 24 марта.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 5.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 8 (Азово-Черноморский краевой комитет ВКП(б)); Ф. 28 (Базковский райком ВКП(б) Ростовской области); Ф. 76 (Северо-Донской окружной комитет ВКП(б) Азово-Черноморского края).

УДК 94(47).084.6:323.1

А. Г. Шкляев

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВОКАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ в 1930-е гг. (ДЕЛО «СОФИН» И РАЗГРОМ ФИННО-УГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

В статье рассматриваются технология и последствия инспирированного в 1930-е гг. дела «Софин». Это был провокационный проект ОГПУ – НКВД, призванный ограничить национальную интеллигенцию в ее устремлениях к творческой и гражданской свободе, активному участию в управлении государством и заставить ее безоговорочно принять проводимую политику продолжения и разжигания классовой борьбы. Данный проект отвечал интересам сложившейся советской и партийной бюрократии, стремящейся удержать и закрепить свою политическую власть и превентивно сломить всякое ожидаемое сопротивление.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дело «СОФИН», Кузубай Герд, бюрократизм, советская и партийная номенклатура, национальный вопрос и классовая борьба, этнономенклатура.